

1 2^{от} ОКТ 1977

Газета № . . . . .

1702 10 000

г. Ленинград

ИГРАЮТ АМЕРИКАНСКИЕ АРТИСТЫ

Театр из Вашингтона «Арена стейдж» вчера показал в Ленинграде свой первый гастрольный спектакль — пьесу Торнтон Уайлдера «Наш городок» в постановке Алана Шнайдера, декорациях Минг Чо Ли и костюмах Марджори Слайсен. На черном фоне перед зрителями возникли предметы бытового обихода маленького американского городка начала века — граммофон и игрища клакта, тарелки на полках и садовые грабли, деревянная мебель и изображающая парусный корабль гравюра. На глубини сценического пространства в зрительный зал то и дело доносилось цоканье лошадиных копыт и отдающиеся гудки поездов. К авансцене выдвинулся мужчина в крахмальных воротничках и женщины в длинных платьях старинных фасонов. Множество житейски достоверных черт и черточек, выхваченных из давней провинциальной среды, оживило спектакль. Но это вовсе не означало, что театр увлечен бытоизображением.

Нет, в «Нашем городке» возникли силы философии и повседневности, метафизического и концертного художественного мышления. Подобно тому как в вещественном оформлении есть комическая кожающая перчатка юного беззаботиста с напыленно широкими растопыренными

пальцами, капли дождя на зонтиках, а также символическая то зеленая, то сухая ветвь дерева, в спектакле нашли органическое место и естественное движение женской руки, накрывающей обеденный стол, и свет прожектора, падающий на человеческое лицо подобно холодному лучу луны. Актеры живут в своих ролях органично, но игра с воображаемыми предметами длится от начала до конца разворачивающегося как тугая пружина сценического действия.

Театр показывает, как юноша и девушка, сидя на высоких стульчиках у стойки кондитерской, робуют и не решаются прилечь в своей влюбленности. Горожане, увлеченные хоровым пением, собираются в тесный кружок. Водятся среди них и силесни, и пересуды. Забавными мотивами обростают сцена свадьбы. Но зрители, наблюдая за протекшей жизнью одной из женщин, тут же узнают, что она уже умерла. А потом на сцене появляются просто люди умершие и будут вести полный грусти и боли разговор о бытии человеческом. И все это комментирует Лицо от автора, в программе названное Режиссером, — исполнителем этой роли Роберту Проски принадлежит одно из первых мест в артистическом ансамбле.

Эти причудливые сочетания составляют своеобразие спектакля, тонко передающего сложную поэтику пьесы Уайлдера, который не хотел называть себя новатором, но на самом деле был им. Сложная драматургическая конструкция служит серьезным аналитическим целям.

В предисловии к своим пьесам Уайлдер писал, что для воплощения кульминационного момента «Нашего городка» нужны пять квадратных футов сценической площадки и страстное желание достичь значимой жизни. Это желание наполняет миссал и чувства американских артистов, проявляющихся в тонкие изваянные радужный драматурга, можно сказать — в тот внутренний конфликт, который для этих раздумий характерен. Уайлдер с горечью говорит о том, что люди, живя, часто не успевают увидеть и понять друг друга, но он же хочет в каждом человеке найти крупицу вечного, утверждая бессмертие нравственных ценностей. Он обрисовывает живя маленького городка, пронячески относясь ко многим ее свойствам, трезво оценивая и мелочность, и суетность провинциальных нравов. Но тем не менее ясно чувствуется, как дорого ему обжитые люди. Ощущается: писатель верит, что дыхание земли и свет

звезд соединяются в самом простом человеческом сердце.

Что же акцентирует «Арена стейдж» в своем спектакле? Ответить на этот вопрос помогает последняя сцена, одна из лучших у американских артистов, хотя и она сама по себе не односложна.

Между Эмили, после смерти на несколько часов вернувшейся в родной дом, и ее матерью пролегла пропасть. Чтобы передать это, режиссура строит поведение двух женщин в совершенно различных, контрастных ритмах. Эмили участвует, постигая, как несовершенна жизнь живых. Актриса Диани Вист передает это с подлинным нервным драматизмом. Но вот у ногам своей жены срывается Джордж (артист Гарри Байер), вышедший на сцену с мокрыми от слез щеками, и остается неподвижным до конца спектакля. Его огромная молчаливая печаль возвышается над всем происшедшим. Она, эта печаль, оказывается красноречивее самых горьких размышлений о людском несовершенстве. В ней — высота чувств человеческих и их сила. Так побеждает в спектакле идея глубоко гуманистическая. Из пьесы извлечено самое ценное и важное — призыв к взаимопониманию, уважению и истинной любви. И не потому ли, что этот призыв так близок нашим зрителям, спектакль вызвал у них волну искренней сердечности.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО,
доктор искусствоведения